

WWW.SATTOR.COM

ШАМСИДДИН ХАФИЗ

(1325 - 1389)

ХАФИЗ ШАМСИДДИН (Ходжа Шамсиддин Мохаммад Хафиз Шерози - ок. 1325-1389 или 1390), персидский поэт. Мастер газели. “Диван” Хафиза, состоящий в основном из произведений этого жанра, проникнут гедонистическими и бунтарскими мотивами, часто облеченными в форму суфийских поучений.

(перевод К. Липскерова)

● * *

●

Дам тюрчанке из Ширази Самарканд, а если надо –
Бухару! А в благодарность жажду родинки и взгляда.
Дай вина! До дна! О кравчий! Ведь в раю уже не будет
Мусаллы садов роскошных и потоков Рокнабада *.
Из сердец умчал терпенье – так с добычей мчатся тюрки –
Рой причудниц, тот, с которым больше нет ширазцу слада.
В нашем жалком восхищенье красоте твоей нет нужды.
Красоту ль твою украсят мушки, краски иль помада?
Красота Юсуфа, знаю, в Зулейхе зажгла желанья,
И была завесы скромной ею сорвана преграда.
Горькой речью я утешен, – да простит тебя создатель –
Ведь в устах у сладкоустой речь несладкая – услада.
Слушай, жизнь моя, советы: ведь для юношей счастливых
Речи о дороге жизни – вразумленье, не досада.
О вине тверди, о пляске – тайну вечности ж не трогай:
Мудрецам не поддается эта темная шарада.
Нанизав газели жемчуг, прочитай ее, – и небом
В дар тебе, Хафиз, зажжется звезд полуночных плеяда.

* - Мусалла - название загородных садов Ширази

* - Рокнабад - название реки

* * *

Песня, брызнуть будь готова – вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Чашу пей – в ней снов основа – вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Друг, с кумиром ты украдкой посиди в беседе сладкой, –
 Поджидай к лобзаньям зова – вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Насладимся ль жизнью нашей, коль не склонимся над чашей?
 Пей же с той, что черноброва, – вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Не найти от вас защиты, взоры, брови и ланиты, –
 Вы моим очам обнова – вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Ветер! Ты в воздушной ризе, мчась к любимой, о Хафизе
 Ей бросай за словом слово – вновь, и вновь, и вновь, и снова!

* * *

Чашу полную, о кравчий, ты вручи мне, как бывало.
 Мне любовь казалась легкой, да беда все прибывала.
 Скоро ль мускусным дыханьем о кудрях мне скажет ветер?
 Ведь от мускусных сплетений кровь мне сердце заливала
 Я дремал в приюте милой, тихо звякнул колокольчик:
 “В путь увязывай поклажу!” Я внимал: судьба взывала.
 На молитвенный свой коврик лей вино, как то позволил
 Старый маг*, обретший опыт переправы и привала.
 Ночь безлунна, гулки волны. Ужас нас постичь не сможет,
 Без поклаж идущих бегом над игрой седого вала.
 Пламя страстных помышлений завлекло меня в бесславье:
 Где ж на говор злоречивый ниспадают покрывала?
 Вот Хафиза откровенье: если страсти ты предашься,
Все отринь – иного мира хоть бы не существовало.

* - Старый маг - здесь владелец винного погребка

* * *

Что святош во власяницах вся гурьба?
Греховодная милей мне голытьба!
Грязь покрыла власяницы, – а взгляни,
Как ярка бродяги вольного каба! *
Опьянил меня твой глаз – так пей вино:
Тяготит нас взоров трезвых ворожба.
Лик твой нежен, стан твой хрупок! Я
страшусь:
Ведь гурьба святош драчлива и груба.
Я мучений лживых суфиев не зрел –
Так не мучьте тех, чья радостна гульба!
Взор твой – хмель, а губы – алое вино,
И вино кипит, и в нем – к тебе мольба.
Погляди на лицемеров: ведь от них
Плачет чанг, вину горька его судьба.
Дух Хафиза пламенеет. Берегись:
Перед ним и сила пламени слаба.

* - Каба - род верхней одежды

* * *

День отрадных встреч с друзьями –
вспоминай
Все, что было теми днями, – вспоминай!
Ныне верных не встречается друзей –
Прежних, с верными сердцами, – вспоминай!
Всех друзей, не ожидая, чтоб они
Вспоминали тебя сами, – вспоминай!
О душа моя, в тенетах тяжких бед
Всех друзей ты с их скорбями вспоминай!
И, томясь в сетях настигнувшего зла,
Ты их правды сыновьями вспоминай!
И, когда польются слезы в сто ручьев,
Зендеруд* с его ручьями вспоминай!
Тайн своих, Хафиз, не выдай! И друзей,
Их скрывавших за замками, – вспоминай!

* - Зендеруд - река в Ширазе

* * *

Где правоверных путь, где нечестивых путь? О, где же?
Где на один вступить, с другого где свернуть? О, где же?
Как сравниваешь ты дом праведных и дом беспутных?
Где лишь в молитвах суть, где только в лютнях суть? О, где же?
Постыла келья мне, и лицемерье рясы – также.
Где магов храм?* Где мне к вину прильнуть? О, где же?
Все вспоминаю дни, когда с тобою был я рядом.
Где ревность, где слова, лукавые чуть-чуть? О, где же?
Прах у твоих дверей к глазам своим прижму – о, сладость!
Где жить мне без тебя, где свой огонь задуть? О, где же?
Хафиз тебе не даст ни мира, ни услад покоя.
Где он найдет покой, свою утешит грудь? О, где же?

* - Храм магов - здесь винный погреб

* * *

Аромат ее крова, ветерок, принеси мне
И покой, – я ведь болен, – хоть на срок принеси мне!
Для души изнуренной дай хоть малость бальзама,
С доброй вестью о друге хоть пять строк принеси мне!
Взор и сердце в боренье. С тетивы ее взгляда
И от стрелки-ресницы хоть намек принеси мне!
На чужбине, в разлуке постарел я, – из чаши
Сладкой юности, ветер, хоть глоток принеси мне!
Дай ту чашу пригубить всем понурым, но если
Этот будет напиток им не впрок, – принеси мне!
Брось о завтрашнем, кравчий, размышлять, – иль охранный
За печатями рока ты листок принеси мне!
Так над плачущим сердцем пел Хафиз неустанно
“Аромат ее крова, ветерок, принеси мне!”

* * *

Верь, Юсуф вернется поздно или рано, – не тужи!
Сень печали сменят розы, тень платана, – не тужи!
Было плохо, станет лучше, к миру злобы не питай,
Был низвергнут, но дождешься снова сана, – не тужи.
На престол холма восходит с опахалом роз весна.
Что ж твоя, о пташка ночи, ноет рана? – Не тужи!
Друг! Не чудо ли таится за завесой, – каждый миг
Могут радости нахлынуть из тумана, – не тужи!
День иль два путем неожиданным шел времен круговорот,
Все не вечно, все добыча урагана, – не тужи!
Коль стопы свои направишь ты в Каабу по пескам
И тебя шипы изранят мугиляна, – не тужи!
Если путь опасный долог, будто нет ему конца;
Все ж он кончится, на радость каравана, – не тужи!
Все нам свыше назначает благодатная судьба:
Час разлуки, ночь лобзаний, день обмана, – не тужи!
Коль, Хафиз, проводишь время в доме бедном, в тишине
И Корана всю премудрость постигаешь, – не тужи!

* * *

Долго ль пиршества нам править в коловратности годин?
Мы вступили в круг веселый. Что ж? Исход у всех один.
Брось небесное! На сердце буйно узел развяжи:
Ведь не мудрость геометра в этом сделает почин.

Не дивись делам превратным, колесо судеб земных
 Помнит тысячи рассказов, полных тысячью кручин.
 Глину чаш с почетом трогай, знай – крупинки черепов
 И Джамшида и Кубада в древней смеси этих глин.
 Кто узнал, когда все царство Джама ветер разметал?
 Где Кавус и Кей укрылись, меж каких они равнин?
 И теперь еще я вижу: всходит пурпурный тюльпан –
 Не из крови ли Фархада в страсти к сладостной Ширин?
 Лишь тюльпан превратность понял: все он с чашею в руке, –
 В час рожденья, в час кончины! Нет прекраснее кончин.
 Поспешай ко мне: мы скоро изнеможем от вина.
 Мы с тобою клад поищем в этом городе руин
 Ведай, воды Рокнабада и прохлады Мусаллы
 Говорят мне, что пускаться в путь далекий нет причин.
 Как Хафиз, берись за кубок лишь при звуке нежных струн
 Струны сердца перевиты нежной вязью

* * *

Кому удел не тлетворный в тлетворных столетях дан?
 Что прочно? – Ладья газелей*. Что вечно? – Пьянящий жбан.
 Возьми же вина в дорогу, – ведь жизнь не сравнишь ни с чем.
 Путь к раю подобен чаще, и мало на нем полян.
 Один ли познал я тленность? Ученый что знает мир,
 Постиг и свое бессилье, и знаний вечный изъян
 Взгляни же премудрым оком на мудрый, бегущий мир:
 Весь мир, все дела мирские, все смуты его – обман.
 Достигнуть встречи с тобою мечтала душа моя,
 Но смерть на дорогах жизни – грабитель и злой буян.
 Всем ведомо: знак, что роком начертан на смертном лбу,
 Не смоешь ничем, о смертный, с челом он твоим слиян.
 Все зданья падут, разрушась, и травы на них взрастут, –

Лишь зданье любви нетленно, на нем не взрастет бурьян.
Прохожие люди трезвым не встретят меня вовек!
О вечность! Хмельная чаша! Хафиз этой чашей пьян.

** - Ладья газелей - здесь диван газелей*

* * *

Страсть бесконечна; страстным дорогам нет пресечения, нет!
“Души отдайте!” – страстным другого нет назначения, нет!
Миг зарождения сладостной страсти – благожеланный миг.
В деле отрадном ждать ли гаданья, предвозвещения? Нет!
Нас не страши ты разумом властным, нам подливай вина!
К нам не причастен стражи начальник, нам запрещенья нет!
Глянуть на лик, схожий с месяцем юным может лишь чистый взор,
В ликах других подобного блеска и обольщенья нет.
Сердце Хафиза в горести страждет: сердце твое – гранит.
Сколько ни плакал, сколько ни звал я, – нет мне прощенья, нет!

* * *

Проповедники, как только службу с важностью в мечети совершат,
В кабачках совсем иное – тайно, чтоб не быть в ответе, – совершат.
Даже мудрым не понятно: те, что учат отрешеньям весь народ,
Сами эти отрешенья, может быть, на том лишь свете совершат.
Эти новые вельможи тюрка в мула обращают. О господь!
Сделай их ослами с ношей! Пусть на них свой танец плети совершат.
Если ты, дервиш, желаешь, чтоб тебе вручили чашу бытия,
Это в тайном храме магов – так в их сказано завете – совершат.
Красота ее безмерна и влюбленных убивает, но они,
Возродясь, ей поклоненья вновь и вновь в среде столетий совершат
Ах, менялы без познаний, с побрякушкой для уздечек жемчуга
Вечно путали! Ужели это вновь они, как дети, совершат!
“Нет, пусть молвят стих Хафиза, – голос разума раздался с высоты, –
И по памяти пусть это в ночь они и на рассвете совершат!”

* * *

Ты не шли упреков в буйстве в гульбищах не новичку,
Ведь его грехов не впишут, праведник, тебе в строку.
Будь самим собой, что сеял — то и жни, не следуй мне:
Я тебя в свои молитвы и грехи не вовлеку.
Ведь любовь живет в мечетях, и живет она в церквах.
Нужен друг святоше, нужен вольному весельчаку.
Не один с порога дома благочестия я пал,
И Адам не добыл рая на земном своем веку.
Коль, Хафиз, пригубишь кубок в Судный день — из кабачка
Мигом в рай ты будешь поднят, хоть был мил и кабачку.

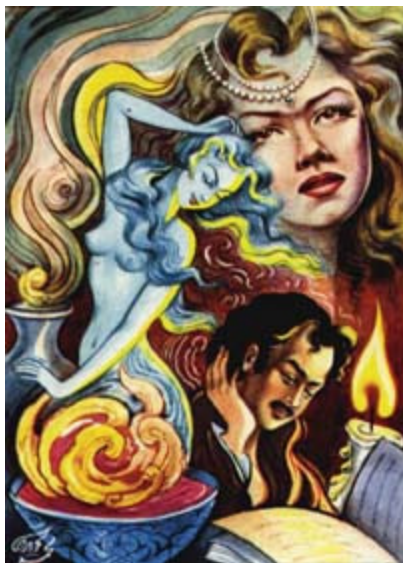
(перевод А. Фета)

* * *

В царство розы и вина — приди!
В эту рощу, в царство сна — приди!
Утешь ты песнь тоски моей:
Камням эта песнь слышна! — Приди!
Кротко слез моих уйми ручей,
Ими грудь моя полна, — приди!
Дай испить мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна! — Приди!
Чтоб любовь дотла моих костей
Не сожгла — она сильна! — Приди!
Но дождись, чтоб вечер стал темней!
Но тихонько и одна — приди!

(перевод И. Сельвинского)

* * *

Хмельная, опьяненная, луной озарена,
В шелках полурасстегнутых и с чашею вина
(Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ),
Хохочущая, шумная, пришла ко мне она.
Пришла и села, милая, у ложа моего;
“Ты спишь, о мой возлюбленный? Взгляни-ка: я пьяна!”
Да будет век отвергнутым самой любовью тот,
Кто этот кубок пенистый не осушит до дна.
Поди же прочь, о трезвенник, вина не отбирай!
Ведь господом иная нам отрада не дана.
Все то, что в кубки легкие судьбою налито,
Мы выпили до капельки, до призрачного сна!
Нектар ли то божественный? Простой ли ручеек,
В котором безысходная тоска разведена?
Об этом ты не спрашивай, о мудрый мой Хафиз:
Вино да косы женские – вот мира глубина.

* * *

Не прерывай, о грудь моя, свой слезный звездопад:
Удары сердца пусть во мне всю душу раздробят!
Ты скажешь нам: “Тюрчанку ту я знаю хорошо, –
Из Самарканда род ее! Но ты ошибся, брат:
Та девушка вошла в меня из строчки Рудаки:
“Ручей Мульяна к нам несет той девы аромат”
Скажи: кто ведает покой под бурями небес?
О виночерпий, дай вина! Хоть сну я буду рад.
Не заблужденье ли – искать спокойствия в любви?
Ведь от любви лекарства нет, — нам старцы говорят.
Ты слаб? От пьянства отрекись! Но если сильный трезв,
Пускай, воспламенив сердца, испепелит разврат!
Да, я считаю, что пора людей переродить:
Мир надо заново создать – иначе это ад!
Но что же в силах дать Хафиз слезинкою своей?
В потоке слез она плывет росинкой наугад.

* * *

Ушла любимая моя, ушла, не известила нас,
 Ушла из города в тот час, когда заря творит намаз.
 Нет, либо счастье мое пренебрегло стезей любви,
 Либо красавица не шла дорогой правды в этот раз.
 Я поражен! Зачем она с моим соперником дружна!
 Стекларус на груди осла никто ж не примет за алмаз!
 Я буду вечно ждать ее, как белый тополь ветерка.
 Я буду оплывать свечой, покуда пламень не погас
 Но нет! Рыданиями, увы, я не склоню ее к любви:
 Ведь капли камня не пробьют, слезами жалобно струясь.
 Кто поглядел в лицо ее, как бы лобзал глаза мои:
 В очах моих отражено созвездие любимых глаз.
 И вот безмолвствует теперь Хафиза стертное перо:
 Не выдаст тайны никому его газели скорбный глас.

* * *

Одиночество мое! Как уйти мне от тоски?
 Без тебя моя душа бьется, сжатая в тиски.
 Что ты сделала со мной? Одержим я! Исступлен!
 Даже днем я вижу ночь. Впереди меня – ни зги.
 О любимая моя! Снизойди ко мне: я слаб.
 Будем снова мы вдвоем и по-прежнему близки.
 Но, увы, не я один! Сто соперников грозят:
 Сто весенних ветерков оплели твои виски.
 Виночерпий! Подойди! Ороси пустынный дол!
 Белый тополь, поднимись! Осени мои пески!
 Сердце бедное в крови от познания вещей...
 Дай хмельного! Без вина мысли горькие низки.
 Черным циркулем судьбы круг начертан вкруг меня.
 В этом круге – точка я. Пешка шахматной доски
 Но донесся аромат приближенья твоего!
 Надо мной опять луна, нет и не было тоски...

* * *

Нет, я не циник, мухтасиб, уж это видит бог:
 От девушки да от вина отречься б я не мог.
 Ханжа – мне имя, если я в молитвенник взгляну,
 Когда в свой розовый цветник влетает ветерок.
 Сиятельного солнца* дар, как милости динар,
 Отвергну я, хоть мой наряд и беден и убог.
 Мой старый плащ дороже всей султанской мишуры, –
 Так что же даст мне небосвод – изменчивый игрок?

Хоть нищ – горю своим огнем! И пусть ослепну я,
Коль отраженьем божества заблещет мой зрачок.
Любовь – жемчужина на дне. Нырнул я глубоко.
Где ж выплыву? Мой океан – всего лишь погребок.
Когда любимая моя пошлет меня в огонь –
Я и не вспомню про Кавсар! Столь сладостен мой рок!
Я, у которого сейчас блаженство всех миров,
Польщусь ли на грядущий рай, что обещал пророк?
Не слишком доверяю я дарам семи небес –
До гроба верен лишь вину. Вздыхайся ж, пенный рог!
Мне образ ринда, признаюсь, по очень по душе,
Но, раз вступив на этот путь, не улизу я вбок
Полуулыбкою блеснул рисунок алых уст, –
Могу ли, слушая муллу, прозреть такой намек?
Высокий свод ее бровей – убежище мое.
И в нем я буду, как Меджнун, твердить любви урок.
И не прельщай меня постом во дни цветенья роз:
К вину и гурии бегу в укромный уголок.
В весеннем опьянении гони, Хафиз, святош
Заключением: “От дьявола да сохранит нас бог!”

** - Сиятельного солнца - здесь правитель*

* * *

Уйди, аскет! Не обольщай меня, аскет!
Ах, что мне святости твои и твой скелет!
Пыланье роз, пыланье роз меня пьянит.
Увы, не вечен аромат и нежный цвет!
Приди же, милая моя! Свою любовь
В твои я косы заплету среди бесед.
Тюльпаном чаша предо мной полна вина:
Оно как плавленный рубин! Оно – рассвет!
Прекрасней трезвости, друзья, веселый хмель, –
О виночерпий, окропи ты наш обед!
А ты, о суфий, обходи мой грешный дом –
От воздержанья воздержусь я: дал обет!
Увы, прошла моя весна... Прошла весна...
Я это чувствую по тысяче примет.
Но не в раскаянье спасение для нас.
Не станет суфием Хафиз на склоне лет.

(перевод В. Державина)

* * *

Сердце, воспрянь! Пост прошел, настала весна.
В хумах вино отстоялось, требуй вина,
Минуло время клятв и молитв лицемерных.
Риндов пора наступила* – веселья полна.
Пусть утешаются ринды песней за чашей.
В чем преступление пьющих? В чем их вина?
Лучше уж пьяница искренний, не лицемерный,
Чем этот постник-ханжа, чья совесть черна.
Мы не аскеты, мы – чистосердечные ринды.
Знание правды – вот наша тайна одна.
Зла мы не делаем людям, покорны Йездану.
Но если скажут: “Не пей!”—мы выпьем до дна.
Лучше уж быть винопийцей, чем кровопийцей.
Кровь виноградной лозы для уст не грешна.
Кто без греха? Есть ли грех в опьяняющей чаше?
Грех мой на мне, если чаша мне эта вредна!

* - Ринд - гуляка-вольнодумец

* * *

Я отшельник. До игрищ и зрелищ здесь дела нет мне.
До вселенной всей, если твой переулок есть, – дела нет мне.
Эй, душа! Ты меня бы спросила хоть раз, что мне нужно!
До того ж, как до райских дверей мне добрость, – дела нет мне.
Падишах красоты! Вот я – нищий, дервиш, погорелец...
До понятий: достаток, достоинство, честь – дела нет мне.
Просьба дерзкая есть у меня; до всего же другого,
Коль пред богом ее не могу произнести, – дела нет мне.
Нашей крови ты хочешь. Ты нас предаешь разграбленью.
До пожитков убогих – куда их унести – дела нет мне.
Разум друга – как чаша Джамшида, что мир отразила.
И дошла ль до тебя или нет эта весть – дела нет мне.
Благодарен я жемчуголову. Пусть море полудня
Эту отмель песками решило заместь – дела нет мне.
Прочь, хулитель! Со мною друзья! До того, что решился,
Сговорившись с врагами, меня ты извести, – дела нет мне.
Я влюбленный дервиш. Коль султанша меня не забыла,
До молитв, до того, как их к небу вознести, – дела нет мне.
Я Хафиз. Моя доблесть – со мной. До клевет и наветов,
Что сплетают презренная зависть и месть, – дела нет мне.

* * *

Эй, проповедник, прочь поди! Мне надоел твой нудный крик
 Я сердце потерял в пути. А ты что потерял, старик?
 Среди всего, что сотворил из ничего творец миров,
 Мгновенье есть; в чем суть его – никто доселе не постиг.
 Все наставленья мудрецов – лишь ветер у меня в ушах,
 Пока томят, влекут меня уста, как сахарный тростник.
 Не сменит улицу твою дервиш на восемь райских куш,
 Освобожден от двух миров – своей любовью он велик.
 Хоть опьянением любви я изнурен и сокрушен,
 Но в гибели моей самой высокий строй души возник
 В несправедливости ее, в насилии не обвиняй!
 Скажи: то милостей поток и справедливости родник!
 Уйди, Хафиз, и не хитри! И сказок мне не говори!
 Я прежде много их слышал и много вычитал из книг.

* * *

Весть пришла, что печаль моих горестных дней – не навечно.
 Время – ток быстротечный. И бремя скорбей – не навечно.
 Стал я нынче презренным в глазах моего божества,
 Но надменный соперник мой в славе своей – не навечно.
 Всех равно у завесы привратник порубит мечом.
 И чертог, и престол, и величье царей – не навечно.
 Так зачем возносить благодарность иль горько роптать?
 Ведь и громкая слава великих мужей – не навечно.
 На пирах у Джамшида певали: “Несите вина!
 И Джамшид с его чашей в обители сей – не навечно!”
 Так пылай же, ночная свеча, привлекай мотылька!
 Близо утро. И ночь, и сиянье свечей – не навечно.
 Эй, богач! Загляни в глубину своей нищей души!
 Горы злата, монет, самоцветных камней – не навечно.
 Видишь надпись на своде сияющем: “Все на земле, –
 Кроме добрых деяний на благо людей, – не навечно”.
 Верь во встречу, надейся на память любви, о Хафиз!
 А неправда, насилие и бремя цепей – не навечно!

* * *

Рассветный ветер с доброй вестью влетел в проем моих дверей,
 Шепнул: “Идет на убыль время твоих несчастий и скорбей!”
 Так отдадим певцам в награду свои разорванные платья
 За вести утреннего ветра! Он прежних вестников добрей.
 О красота, с высот эдема в мир принесенная Ризваном*,
 Внемли молениям сокровенным! О гурия, приди скорей!

В Шираз вступаю я под сенью небесного благоволения;
Хвала тебе – любовь дарящей, хвала владычице моей!
С твоим венцом хотел сравняться мой войлочный колпак дервиша,
Склонись к раскаянью безумца, тревогу дум моих развей!
Луна безмолвная, бывало, моим рыданиям внимала,
Когда твой голос доносился из пышного шатра царей.
Хафиз до солнца подымает победоносные знамена,
Найдя прибежище у трона прекрасной гурии своей!
* - Ризван - в Коране ангел, стоящий стражем у врат рая

* * *

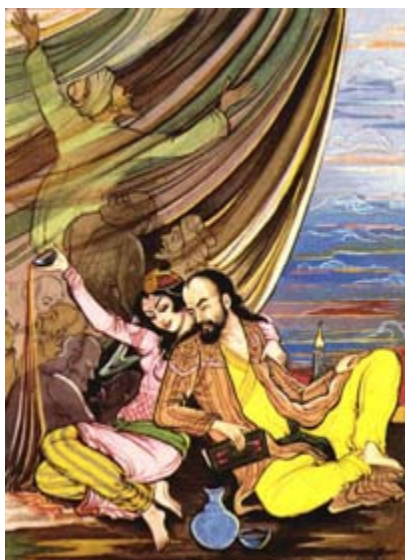
Те, кто взглядом и прах в эликсир превратят,
Хоть однажды на жизнь эту бросят ли взгляд?
Утаю от врачей мои скорби. Быть может,
За чертой бытия мой недуг исцелят.
Мой кумир не снимает с лица покрывала,
Что же столько о нем небылиц говорят?
И гуляка и постник равны перед богом.
Лучше в добрых делах ты найди тарикат *.
Я – отступник любви, устремленный к познанию,
Стал мужам просветленным поистине брат.
Смутно там – за завесой. Когда же завеса
Упадет – что увидим? Что нам возгласят?
Плачут, внемя мне, камни, и круг прозорливых
Слушать повести сердца поистине рад.
Пей вино! Даже сотня грехов твоих скрытых
Благочестия ложного лучше в сто крат.
Я боюсь, что завистники платье Юсуфа
Разорвут, чистоту клеветой омрачат.
Пусть в руинах окраин пред лавкою винной
Толпы риндов вершат винопитья обряд.
Буду втайне скорбеть, ибо чистые сердцем
О несчастье и счастье своем не кричат.
Пей, Хафиз! Ты едва ль удостоишься встречи...
Ведь султанши на жалких бродяг не глядят!
* - Тарикат - у суфиев путь мистического
познания бога

(перевод С. Липкина)

* * *

О суфий, розу ты сорви, дай в рубище шипам вонзиться!

Снеси ты набожность в кабак, – не стоит с показной возиться!
 Безумным бредням, болтовне ты предпочти напевы чанга,
 Ты четки отнеси в заклад – и заживи, как винопийца!
 Твои молитвы и посты отвергли кравчий и подруга,
 Так лучше восхвали весну, хотя она и озорница!
 Смотри, владычица сердец, я разорен вином багряным,
 Но ради родинки твоей готова кровь моя пролиться!
 О боже! В дни цветенья роз прости рабу его проступки, –
 Пусть радуется кипарис и весело ручей струится!
 О ты, чей путь меня привел к желанной влаге высшей цели:
 Хотя бы каплей должен ты со мной, ничтожным, поделиться!
 За то, что никогда глаза не видели красу кумиров,
 Да будет мне теперь дана от божьей милости частица!
 Когда подруге поутру нальешь вино, скажи ей, кравчий:
 “Хафизу чашу подари, – всю ночь не спал он, чаровница!”

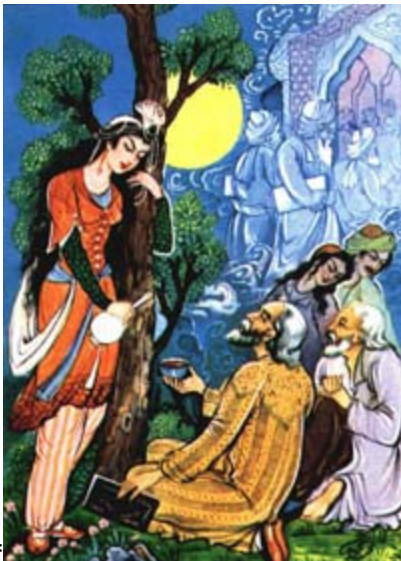
* * *

О боже, ты вручил мне розу, но я верну ее назад, –
 Затем что на меня лужайка завистливый бросает взгляд.
 Хотя подруга удалилась на сто стоянок от любви,
 Пусть от подруги удалятся тоска и горе, дождь и град.
 Когда ты над ее стоянкой повеешь, вешний ветерок.
 Надеюсь, ты ей нежно скажешь, что я всегда служить ей рад.
 Ты кудри вежливо разгладишь, а в них сердца заключены,
 Не ударяй их друг о друга, не разоряй пахучий сад.
 Моя душа, – скажи любимой, – тебе на верность поклялась,
 Так пусть в твоих кудрях – в темнице – живет, не ведая утрат.
 В саду, где пьют вино во здравье живительных, желанных уст,
 Презренен тот, кто ей не предан, кто пожелал иных отрад.
 Не надо думать о наживе, спускаясь в винный погребок:
 Тот, кто испил любовной влаги, не жаждет никаких наград.

Пускай растопчет нас пятою иль разрешит поцеловать, –
Любовь запретна лишь для робких, боящихся ее преград.
Хвала поэзии Хафиза, она – познание божества.
За светлый дух, за прелесть речи везде его благодарят!

* * *

Пусть вечно с сердцем дружит рок, – и большего не надо.
Повея, ширазский ветерок, – и большего не надо!
Дервиш, вовек не покидай своей любви обитель
Есть в келье тихий уголок? И большего не надо!
Ты к продавцу вина приди, явись к его святыням,
Чтоб скорбь из сердца он извлек, – и большего не надо!
Почетно на скамье сидеть и пить из полной чаши:
Так станешь знатным в краткий срок, – и большего не надо!
Кувшин багряного вина, кумир луноподобный, –
Иное не идет нам впрок, – и большего не надо!
Бразды желаний вручены невежественным людям,
Твой грех, что ты наук знаток, — и большего не надо!
Любимой давней верен будь, привязан будь к отчизне,
Далеких не ищи дорог, – и большего не надо
По радуйся, что все вокруг тебе хвалу возносят.
Пусть бог к тебе не будет строг, – и большего не надо!
Хафиз, в молениях нет нужды: молитва страстной ночи
Да сладкий утренний урок, – и большего не надо!

* * *

Не откажусь любить красавиц и пить вино, и пить вино!
Я больше каяться не буду, что б ни было – мне все равно!

Прах у порога луноликой мне райских цветников милей,
 Всех гурий за него отдам я и все чертоги заодно!
 Как надоели мне намеки, увещеванья мудрецов,
 Я не хочу иносказаний, – ведь их значение так темно!
 Нет, не пойму я, что творится с моей беспутной головой,
 Покуда в кабаке не станет кружиться быстро и хмельно.
 Советчик мне сказал с укором: “Ступай, от страсти откажись”.
 Нет, братец, буду страсти верен: подруге предан я давно.
 Того довольно, что в мечети не стану девушек ласкать,
 А большей набожности, право, мне, вольнодумцу, не дано!
 К наставнику виноторговцев я всей душой стремлюсь, Хафиз,
 Его порогу поклоняться, – я твердо знаю, – не грешно.

(перевод А. Кочетковой)

* * *

Ты, чье сердце – гранит, чьих ушей серебро – колдовское литье,
 Унесла ты мой ум, унесла мой покой и терпенье мое!
 Шаловливая пери, тюрчанка в атласной кабе,
 Ты, чей облик – луна, чье дыханье – порыв, чей язык – лезвие!
 От любимого горя, от страсти любовной к тебе
 Вечно я клокочу, как клокочет в котле огневое питье.
 Должен я, что каба, всю тебя обхватить и обнять,
 Должен я, хоть на миг, стать рубашкой твоей, чтоб вкусить
 забытья.
 Пусть сгниют мои кости, укрыты холодной землей, –
 Вечным жаром любви одолею я смерть, удержу бытие.
 Жизнь и веру мою, жизнь и веру мою унесли
 Грудь и плечи ее, грудь и плечи ее, грудь и плечи ее!
 Только в сладких устах, только в сладких устах, о Хафиз, –
 Исцеленье твое, исцеленье твое, исцеленье твое!

* * *

Взгляни, как праздничный стол расхищен девай-судьбой!
 По кругу чашу ведет горящий серп молодой*.
 Паломник добрый! Стократ тебе воздается за пост,
 Коль ты в труппу любви вошел смиренной стопой.
 Для нас в труппах любви всегда готов уголок,
 А тот, кто их возводил, был движим волей святой.
 И пусть свершает намаз под сводом милых бровей,
 Кто кровью сердца омыл любовный помысел свой!
 Ведь сам имам городской, носящий коврик молитв,
 Омыл одежду свою хмельной пурпурной струей.

Но этот шейх-лицемер с презрением смотрит на тех,
Чья бочка нынче полна, а завтра станет пустой.
Пусть шейх искусно поет, – к Хафизу, друг, приходи!
Его любовным псалмам и слух и сердце раскрой!

** - ...серб молодой... - молодой месяц*

* * *

Свершая утром намаз, я вспомнил своды бровей, –
И вопль восторга потряс михраб мечети моей.
Терпенья больше не жди, к рассудку впредь не зывай!
Развеял ветер полей терпенье тысячи дней.
Прозрачным стало вино, пьянеют птицы в саду,
Вернулось время любви, – вздохнуло сердце нежней.
Блаженный ветер полей цветы и радость принес.
Приди, невеста любви! Весь мир дыханьем согрей!
Укрась свой брачный покой, – жених ступил на порог.
И зелень – радость сердец – сверкает все зеленой.
Благоухает весь мир, как будто счастьем дышу:
Любовь цветет красотой, что небо вверило ей.
Пусть деревья согнет тяжелый их урожай, –
Будь счастлив, мой кипарис, отвергший бремя скорбей!
Певец! На эти слова газель прекрасную спой!
О том, как счастлив Хафиз, пусть помнит память людей!

* * *

В дни, когда наш луг покрыт райским цветущим ковром,
Кравчий, с пурпурным вином в светлое поле пойдем!
“Ржавчину горя с души снимет рубиновый хмель”, –
Так говорил мне вчера друг, одаренный умом
Если твой винный сосуд камнем пробьет мухтасиб,
Тыкву его головы ты проломи кирпичом!
Пусть я невежда, ты мудр, – мы перед небом равны.
Честный ты, подлый, – слепцу мало заботы о том.
Праведник! Что мне кредит! Только наличность я чту:
Гурия есть у меня, раю подобен мой дом!
Христианин, даже тот молвил мне как-то: “Хафиз!
Как опостылел мне звон там, под высоким крестом”.

* * *

Вероломство осенило каждый дом,
Но осталось больше верности ни в ком.
Пред ничтожеством, как нищий, распростерт
Человек, богатый сердцем и умом.
Ни на миг не отдыхает от скорбей
Даже тот, кого достойнейшим зовем,
Сладко дышится невежде одному:
За товар его все платят серебром.
Проструятся ли поэтовы стихи
В наше сердце, зажигая радость в нем, –
Здесь поэт – хоть зовись он Санаи* –
Не одарят и маисовым зерном!
Вот что мудрость говорила мне вчера:
“Нищетой своей прикройся, как плащом!
Будь же радостен и помни, мой Хафиз:
Прежде сгинешь ты – прославишься потом!”
* - Санаи - Санаи Газневи (1070-1140) -
персидско-таджикский поэт

* * *

Коль туда, куда стремлюсь, я направляю полет, –
Так за дело я возьмусь, что тоска запоем!
Сильных мира я бегу, словно зимних ночей,
Жду от солнца одного лучезарных щедрот.
Благородства не ищи у надменных владык:
Прежде чем откроют дверь, жизнь бесследно пройдет
Пусть же сгинет эта жизнь – умерщвляющий ад!
Славь, певец, другую жизнь – улаждающий сад!
Пожелай, мой соловей, чтоб земля наконец
Стала садом, где твой дух к нежной розе придет!
Здесь упорство с торжеством в давней дружбе живут:
Кто упорство впустит в дом – торжество призовет
Мудрено ли, что всегда беззаботен Хафиз:
Вольный странник на земле не страшится тягот!

(перевод Е. Дунаевского)

* * *

Вчера на исходе ночи от мук избавленье мне дали,
И воду жизни во тьме, недоступной зренью, мне дали.
Утратил я чувства свои в лучах того естества!
Вина из чаши, что духа родит возвышенье, мне дали.
И благостным утром была и стала блаженства зарей
Та ночь – повеленьем судьбы, – когда отпущенье мне дали.
Небесный голос в тот день о счастье мне возвестил,
Когда к обидам врагов святое терпенье мне дали.
И взоры теперь устремил на зеркало я красоты:
Ведь там, в лучезарность ее впервые прозренье мне дали!
Дивиться ли нужно тому, что сердцем так весел я стал?
Томился скудостью я, и вот – вспоможение мне дали
Весь этот сахар и мед, в словах текущий моих,
То плата за Шахнабат*, что в утешенье мне дали.
Увидел я в тот же день, что я к победе приду,
Как верный стойкости дар врагам в посрамленье мне дали.
Признателен будь, Хафиз, и лей благодарности мед
За то, кто красавицу ту, чьи прелестны движенья, мне дали.
* - Шахнабат - возлюбленная Хафиза, не ответившей ему взаимностью

* * *

Вчера из мечети вышел наш шейх – и попал в погребок.
Друзья мои, суфии! Нам-то какой же в этом урок?
Лицом повернуться ль к Каабе нам, мюридам простым,
Когда наш почтенный учитель прямо глядит в кабачок?
Давайте станем жильцами трущобы магов и мы, –
То в день предвечный решили, таков уж, видно, наш рок!
Узнать бы мудрым, как сладко сердцу в оковах кудрей, –
За теми цепями в погоне безумцы сбились бы с ног.
Едва лишь сердцу в добычу попался душевный покой,
Ты кольца кудрей распустила, и он ускользнул под шумок.
Раскрыл мне твой лик благодатный, как милости чудо понять,
И вот – кроме “благо” и “милость” – в Коране не вижу я строк.
Из камня пускай твое сердце – неужто не вспыхнет оно
Огнем пепелящим стенаний, в которых мой сон изнемог?
Кудрей твоих ветер коснулся, и мир почернел предо мной –
Вот прибыль одна, что из мрака кудрей я любимых извлек!
Стрелой стенаний пронзаю я небо – замолкни, Хафиз!
Щади свою бедную душу: убьет тебя этот стрелок!

* * *

К этой двери искать не чины и почет я пришел, —
 Чтоб убежище здесь мне найти от невзгод, я пришел.
 Я к жилищу любви – от черты, где нет жизни, иду,
 И в страну бытия, совершив переход, я пришел.
 Я твой смуглый увидел пушок, и из райских садов
 Мандрагоры* потребовать сладостный плод я пришел.
 О спасенья корабль! Твоих милостей якорь ищу –
 Увязавший в скверне, к тебе, мой оплот, я пришел.
 Гибнет честь! Изойди же дождем, омывающим грех!
 До конца подводя черных дел моих счет, я пришел.
 Брось, Хафиз, власяницу свою! Вздохов жарким огнем
Истребить лицемеров неправедный род я пришел.
 * - Мандрагора - растение, из корня которого в старину вырезали амулет, приносящего
 счастье, отгоняющего болезни

* * *

Мой скудный жребий тяжек, подъем дороги крут,
 Унижен я пред теми, кто гордостью надут.
 И, только лишь коснувшись кудрей, в безумье страсти
 Я гордо выпрямляюсь, не зная рабьих пут.
 Что делается в небе, у глаз моих спроси ты:
 Я до утра считаю по звездам бег минут.
 Я в знак благодаренья уста целую чаши –
 Здесь ключ великой тайны и знанья тихий пруд.
 И также благодарен рукам моим я слабым:
 Терзать они не могут насильем бедный люд.
 Когда в стихах воздал я хвалу винопродавцам,
 Я мздою справедливой почтил их добрый труд.
 Ведь ты не пожелаешь поднять меня из праха,
 Хотя б из глаз катился слезами изумруд!
 Не укоряй, что плачу я кровью в этих долах:
 Как муки коз мускусных, удел прозренья лют.
 Пусть голова Хафиза пьяна, но мне надеждой
 Иной главы забота и милостивый суд.

* * *

Я вышел на заре, чтоб роз нарвать в саду,
 И трелей соловья услышал череду:
 Несчастный, как и я, любовью к розе болен,
 И на лужайке он оплакивал беду.
 По той лужайке я прогуливался часто;
 На розу я смотрю, на соловья и жду;

С шипом она дружит, но так же неразлучен
 С любовью соловей, – все в том же он броду!
 Стенанья соловья мне в сердце болью пали,
 И утешенья сам себе я не найду...
 Так много роз цветет, но кто сорвать их может,
 Не испытав шипов опасную вражду?
 Хафиз, надежду брось на счастье в этом мире:
 Нет блага в нем, и все нам к скорби и вреду!

(перевод Т. Спендиаровой)

* * *

На сердце роза, на губах лозы душистый сок.
 Владыка мира, в эту ночь ты раб у наших ног.
 Гасите свечи! Ночь и так светла, как знойный день.
 Здесь в полнолунии своем тот лик, что тьму отвлек.
 Не чтим запрета на вино, но мы храним запрет,
 Когда его не делишь с той, чье тело как цветок.
 Прикован взгляд к рубинам уст, к вращенью пенных чаш,
 В ушах журчащий говор флейт и чанга звонкий слог
 Ты благовоний на пиру хмельном не разливай,
 Вдыхаю запах, что струит тяжелых кос поток.
 Сладстей ты мне не подноси: что сахар, пряный мед?
 Сладка лишь сладость губ твоих, что хмель вина обжег.
 Безумец – имя мне. Позор стал славою моей.
 Так почему ж безумье все мне ставите в упрек?
 Зря мухтасибу шлют донос:* и оп, подобно нам,
 Услады ищет на земле, обманывая рок.
 Хафиз, ни мига без вина, ни часа без любви!
 Пора жасминов, время роз пройдут. Недолог срок!

<http://www.sattor.com/russian/Hofiz.htm>